
Евгений КАМИНСКИЙ

* * *

Прочти меня, прочти.
Всю Русь пройдешь почти,
а слов таких не сыщешь —
сугубых, духом нищих...
В ходу ведь хохмачи
да графоманов тыщи.

Не жуй калач, прочти.
Важнее, чем харчи,
гранитной глыбы крепче —
простые части речи,
сведенные в печи
печали человеческой.

Прочти меня, прочти:
открой и бормочи...
Что кажется такого?!
А падают оковы,
и гнется свет свечи,
как конская подкова.

Прочти меня, прочти,
а нет — приди в ночи,
вина купив вначале...
И вот он я — в печали,
без шелка и парчи,
лишь крылья за плечами.

* * *

Зима как предчувствие смерти,
как участь — очнуться в аду...
когда, отлученный от тверди,
ты вновь сам с собой не в ладу

Евгений Юрьевич Каминский родился в 1957 году. Поэт, прозаик, переводчик. Автор десяти книг стихотворений и нескольких книг прозы. Публиковался в журналах «Октябрь», «Звезда», «Юность», «Литературная учеба», «Волга», «Урал», «Крещатик», «Дети Ра», «День и ночь», «Плавучий мост», «Зинзивер» и других, в альманахах «День поэзии», «Поэзия», в «Литературной газете». Участник поэтических антологий «Поздние петербуржцы», «Строфы века» и многих других. Лауреат премии Гоголя за 2007 год. Живет в Санкт-Петербурге.

в постылой темнице до лета...
Хоть щеки до крови сотри,
но богооставленность — это
когда лютый холод внутри.

Зиме только это и надо.
Она лишь на то и годна:
как немцу в котле Сталинграда,
дать чашу страданья до дна

испить тебе, коему нега —
есть альфа с омегой, дотла
спалив в тебе опухоль эго,
чтоб больше давить не могла

на душу притихшую в клетке,
как будто снимает с души
гордыни посмертные слепки...
И все ж умирать не спеши,

в бутылки пока не допито,
в контору пока не сданы
разгула рога, и копыта,
и тесные страсти штаны,

пока еще пышет утроба,
а ты, что тут лгать, не готов
ни Лазарем штатным — из гроба,
ни даже каликой — в Ростов...

* * *

Ну что изменилось
со временем тут?!
Попавших в немилость,
как прежде, грызут,

и тех, что *посмели* —
всем миром едят,
как некогда ели
пасхальных ягнят.

У всех тут, похоже,
дурное нутро:
и я, и прохожий,
спешащий к метро, —

сорви с нас личину
приличий — и мы
вдруг явим причину
и смут, и войны,

жестокую правду,
священную ложь...
О сложном — не надо,
пустое — не трожь.

Похоже, мы просто —
тупи и твердей! —
от веста до оста
играем людей,

обычные звери,
что тут до поры
за словом о вере
хранят топоры...

* * *

В те годы мог ты, трезв и молод,
всех подлецов — в бараний рог,
а вот тебя — ни серп, ни молот,
ни двадцать пятый съезд не мог.

Не по зубам ты был добычей,
когда в тебя то Маркс, как зверь,
то Ленин, Марксом в харю тыча,
вцеплялись, помнится теперь.

Ты был тогда — хоть стой, хоть падай,
но от зари и до зари —
к всеобщей гадости преградой,
прекрасной, что ни говори...

И что куда с тех пор девалось?!
Ну ладно я, но уж и ты,
с утра на грудь принявши малость,
хватаешь воздух пустоты...

Ну ладно, мне неинтересно.
Но ведь и ты проснулся лишь —
и в бездну падаешь отвесно,
и насмерть больше не стоишь.

Да, оказалось: мир не стоит
ни брани той, ни светлых грез.
Куда ни глянешь — все пустое,
и ничего уже всерьез.

Теперь ни бунтов уж, ни мнений,
в которых твердой буквой «ять»
ты мог явить свой грозный гений
и здесь хоть что-то поменять.

Все, все осталось в *том* недавнем.
И значит, в *этом*, без конца
тебе осталось — в воду камнем
под дикий хохот подлеца.

* * *

Бредил строкой,
прячась за шкафом,
тихий такой,
часто под кайфом

блоковских строк,
странных немного:
вроде и Блок,
а сколько Бога!

Или же тех,
у Пастернака,
где даже грех —
свет среди мрака...

Слезы утри:
больше не нужен
крик изнутри
тем, кто — снаружи.

И заруби:
больше не важен
тот, что в груди,
орган для граждан.

Скуп, как монгол,
с чуткостью зверя,
лишь за глагол
стой тут, не веря

и не боясь,
что будет дальше:
дальше лишь — грязь
и море фальши.

Выжечь спеши
всю до рассвета
нежность души —
важно лишь это.

Чтоб, когда в дверь,
обликом светел,
взять тебя — зверь,
ты — уже пепел.

* * *

Я жил как пленник потребленья —
не жил, а множил ин на янь,
от Лао-цзы ждал просветленья...
И жизнь была такая дрянь!

Зато уж в сварщиках, термистах —
в тех, на которых аккурат
звенит негромкое монисто
почетных знаков и наград,

я видел жизнь.
В них было этак
ее на триста лет вперед!
В них ярость первых пятилеток,
казалось, все еще живет.

И сам Господь — шептались даже —
меж ними, в саже, начеку:
то копировщику подскажет,
то намекнет крановщику...

Да, шел я в цех в смятенье неком,
но верил: знают слесаря,
как снова стать мне человеком,
пока еще встает заря.

Я б не поверил и Платону,
но — им?! Я помню, как сквозь звон
они кричали мне, планктону:
«Будь ты в натуре хоть Платон,

но только там, где труд острожный,
и можно суть вещей понять
и сделать то, что невозможно —
вочеловечиться опять!»

Я брал кувалду и зубило:
«Вот так и в люди выйду, глядь?»
И бил, чтоб только не убила
меня привычка потреблять.

И было так душе отраднo,
что с ин вдруг складывался янь:
трудись, забыв себя, и ладно,
чело сомненьем не румянь...

И в Лао-цзы уже уныло
свет не искал я до зари...
ведь столько керосина было
во мне, что прямо хоть гори!